

В комнате царил тяжелая атмосфера, и Лю Ян тоже чувствовал себя неуютно. Сцены того, как мать покупала ему одежду, сидела на трибунах и смотрела на него, постоянно прокручивались в его голове.

Ван Ясинь был прямым парнем: он просто плюнул животом на стол и начал трясти плечами.

Снаружи было тихо, луна светила ярко, звезд было мало, тени деревьев колыхались, создавая тяжелые, причудливые силуэты. Ветерок был прохладный.

Лю Ян встал и постоял у окна. На спортплощадке стояла крошечная тьма, наставник Сюн с фонариком в руке возвращался по дорожке. Желтый круг света качался на земле, тень за его спиной тянулась длинной и тонкой.

Он обернулся и спросил:

— Вы когда-нибудь думали, чем будете заниматься в будущем?

Никто не ответил. Лю Ян провел взглядом по макушке Ван Ясиня, потом посмотрел на кровати Е Шувэня и Ли Ипэна.

Палец скользил по подоконнику, поднимая белую пыль. Кончики пальцев чувствовали легкое скольжение и легкую шероховатость пылевого налета.

Он размышлял, стоит ли озвучивать то, что у него на душе. Они были его товарищами по команде, и им предстояло долгое время поддерживать друг друга и двигаться вперед. Все они были хорошими ребятами, перспективными ростками. И если бы они запутались и остановились в нерешительности, это было бы таким сожалением.

Лю Ян знал, что ему очень повезло. Когда его жизнь была уже на полпути, он вернулся сюда. Он видел ясно и думал четко, поэтому мог крепко ухватиться за этот шанс. Но эти дети были еще слишком малы. У них был талант, но они сами этого не осознавали. На жизненном пути слишком много вещей могло смутить их.

Некоторые пороги нужно было пересечь самому, требуя внутренней силы, а в других достаточно было, чтобы кто-то рядом просто протянул руку и помог.

Перерождение — это радость. Лю Ян, придерживаясь мнения, что все они дети, рожденные под солнцем, и должны бежать к солнцу, наполняя жизнь горячей кровью и страстью, решил, что одной радостью делиться лучше, чем скрывать её, и заговорил.

— Я думал об этом. Я хочу тренироваться по-настоящему, спокойно заниматься в школе плавания, два года отработать в сборной провинции, потом попасть в национальную сборную. Затем надеть уникальную красно-желтую форму сборной Китая и поехать за границу, переплыть этих черепаших сыновей, оставить их на пару корпусов позади и, наконец, с гордостью стоять на пьедестале посередине, на самом высоком месте, смотреть сверху вниз на тех, кто рядом. Вы об этом думали? Думали? Есть ли у вас такие же мысли, как у меня?

Здесь он замолчал, давая им время переварить сказанное.

— Если есть, тогда скажите мне, почему вы плачете? На наших плечах лежат ожидания родителей, а в сердцах родителей — наши мечты. Поэтому мы должны нести эти ожидания вперед, чтобы воплотить в жизнь и свои мечты, и мечты родителей.

Вокруг было очень тихо. Ветер обдувал его уши, словно мелодичная песня. Он говорил слово за словом, звонко и чисто, словно шахматные фигуры падали на доску, издавая ясный звук.

Прошло довольно много времени.

Голова Ван Ясиня поднялась, подбородок опустился на стол, он моргнул, глупо ухмыльнулся, пока в уголках глаз еще блестели капельки влаги.

— После твоих слов я, хоть и все еще скучаю по дому, больше хочу на соревнования.

— Лю Ян, твои большие правды очень похожи на то, что моя мама часто мне говорит, — раздался голос Е Шувэня из-за москитной сетки. — Но мне кажется странным: каждый раз, когда мама говорит, мне кажется, что она нудит, а когда ты так говоришь, я правда немного взволновался.

Лю Ян прислонился к окну, поднял голову и посмотрел в небо. Его взгляд зафиксировался на самой яркой звезде, губы изогнулись в маленькую дугу.

— Потому что мы стоим на одной высоте, мы видим одно и то же, потому что мы товарищи по команде.

Товарищи по команде.

Какое простое, но какое глубокое слово.

Вместе проливать пот, вместе устремляться к финишу. В синем бассейне, в этом маленьком мирке они вместе жили, вместе тренировались, вместе росли. Они могли шутить и злиться, могли втайне соревноваться — и всё потому, что они были товарищами по команде.

Они измеряли себя друг другом, используя партнера как линейку.

Смотрели в другого, как в зеркало, чтобы увидеть себя.

У них не было героического порыва, сотрясающего оружием, не было уюта книжных червей, у них была только горячая кровь, и они поддерживали друг друга на жизненном пути — и потому они были товарищами по команде.

Они ставили друг друга в качестве цели и росли вместе.

Смотрели в другого, как в зеркало, зная свои выигрыши и потери.

Утренняя зарядка следующего дня заставила дядю Чжао расплыться в улыбке. Он поглаживал подбородок, втайне хваля себя за мудрость.

Четыре спортсмена из комнаты 301 были на подъеме, тренировались так серьезно, что ребятам из других комнат стало даже неловко. Получилось словно появилось зеркало и линейка.

На самом деле, когда эмоции слишком высоки, тренировки не кажутся тяжелыми. Потому что нравится — значит не тяжело. Задания, которые давал наставник Чжао, в их глазах казались даже слишком малыми, и Ван Ясинь дошел до того, что сам пошел к наставнику Чжао выпрашивать тренировочные задания.

Наставник Чжао, смеясь как старый ребенок, пнул его ногой по заднице, ругаясь в слух:

— Ты, парень, что, хочешь прогулять уроки? Экзамены сдавать не хочешь?

Ван Ясинь, потирая задницу, отскочил в сторону, а вся компания, с лицами, покрытыми каплями воды, громко хохотала в воде.

К сожалению, факт остается фактом: Великая Китайская стена не строится за один день. Неделя прошла, эмоции всех членов команды упали, и они снова начали придумывать способы увильнуть от тренировок. Буд то тренировка на суше или в воде — всё было ленивым, вялым, на грани жизни и смерти.

Наставник Чжао смотрел на это и у него разболелась голова. Он тысячу раз жалел о членах команды прошлых лет, и взгляд его естественно остановился на Лю Яне.

Этот дядю Чжао был настроен решительно: все заслуги принадлежат ему, тому, что он позволил Лю Яну влиться в большой коллектив, и заставил всех членов команды почувствовать кризис по отношению к этому раньше угнетаемому однокласснику.

Поэтому он махнул рукой и подозвал Лю Яна к себе.

Лю Ян вытер с лица воду и недоуменно посмотрел на него.

— Я слышала, наставник Хуан сказала, что в последние дни на вечерних занятиях ты не помогал товарищам по команде с учебой, так ли это? Смотри, Лю Ян, так нельзя. Тебе нужно больше общаться со всеми, тогда с тобой будут дружить, не так ли? — Наставник Чжао говорил с глубоким чувством, принимая вид «железо не станет сталью, если не ковать».

Лю Ян опустил голову, обдумывая:

— Наставник Чжао, я как раз хотел с вами поговорить об этом. Я там толком помочь не могу, можно я больше не буду ходить?

— Нельзя! — наставник Чжао округлил глаза.

— Наставник Хуан и так всё хорошо объясняет, члены команды её слушаются. Я реально помочь не могу. Я хочу после ужина прийти в бассейн потренироваться. Ведь скоро соревнования, хочу занять хорошие места.

— Сможешь ты помочь или нет — это второе дело. Главное — тебе нужно наладить отношения с товарищами по команде.

Лю Ян потерял дар речи от такой заботы наставника и замолчал, понутив голову.

Во время ужина на первом этаже было шумно. Если только не было тренировки, эта компания была на удивление энергичной, неестественно оживленной, они подшучивали друг над другом и подкалывали.

В большинстве случаев шутки крутятся вокруг Ван Ясиня. Этот парень немного «второй», иногда если говорят намеками, он не понимает, и все давятся смехом, а когда понимает — хлопает по столу и пялится глазами, но, видя, как все смеются, не выдерживает и пару секунд и тоже смеется.

У таких людей есть способность, которую можно назвать сплочивающей, но они сами этого не осознают.

Лю Ян с ребятами из 301-й комнаты, а также Ван Фэн и Ци Гунсин сидели за одним столом. Всего шесть обезьян весело болтали, когда Яо Е с улыбкой на лице, с подносом в руках, важной походкой подошел и сел.

— Эй, о чем болтаете?

Молодой господин Яо смотрел на шесть серьезных физиономий, которые вдруг стали выть, и атмосфера резко стала тяжелой, но он, ничего не чувствуя, продолжил:

— Что? Я пришел — и вы замолчали? Дайте послушать.

Е Шувэнь выдавил натянутую улыбку:

— Здравствуйте, тренер Яо.

Один клик — все откликнулись, остальные пять в унисон произнесли стандартное приветствие.

— Ха-ха, хорошо, хорошо. Только что слышал, вы тут весело болтали. Что, рана на голове Ван Ясиня еще не зажила? Какая жалость, такая жара, а он все еще не может в воду.

— Мо... можно в воду, но наставник Чжао сказал подождать еще пару дней, боится, что вода заразит, — осторожно подбирая слова, ответил Ван Ясинь.

— Это так, это так, — кивнул Яо Е и опустил голову есть.

Еда на его подносе соответствовала стандарту сборной провинции: три блюда и суп, два мясных и два овощных. В отличие от сегодняшнего корма в школе плавания, овощи были жареными до ярко-зеленого, масляного блеска, мясо было постным, белым, и лишь изредка попадались один-два кусочка сала — это была редкость.

Эти шестеро пялились на еду с зеленью в глазах, потом глянули на большие куски сала в своих мисках, и сразу подкатила волна тошноты.

Лю Ян потерял терпение, старые обиды сложились с новыми, и он взбесился.

— Бац! — с громким звуком палочки тяжело упали на стол. Лицо сморщилось, выдавив фальшивую улыбку, большие глаза сияли невинным светом, направленным на лицо Яо Е.

— Тренер Яо, я помню, вы обычно едите наверху, не так ли?

<http://bllate.org/book/16608/1518592>